

Алексей Радов

ГОД

Алексей Радов

Год

«Пробел-2000»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Радов А. Г.

Год / А. Г. Радов — «Пробел-2000», 2017

ISBN 978-5-98604-578-8

Остросюжетная проза социолога, философа, финалиста премии «НГ» «Нонконформизм-2016», автора сборника рассказов «Мертвый ноябрь», романа «Вершитель судеб», Алексея Радова – роман о криминале и политике, секретных службах и власти, сексе и свободе.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98604-578-8

© Радов А. Г., 2017
© Пробел-2000, 2017

Содержание

Глава 1. Два свидетеля	6
Глава 2. При пяти	15
Глава 3. Четвертое в ванне	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Георгиевич Радов

Год

© Радов А. Г., 2017

© «Пробел-2000», 2017

Глава 1. Два свидетеля

Ближе к пяти Секст выбежал до угла за французскими из своего подъезда, рядом у крайнего трое неизвестных ему стыдили женщину красивую, в лицо показывая чем-то, и жестикулируя широко, стремясь сбить ее этим манером на неосвещенную сторону проспекта.

– Где деньги, человек ты человек, – спросил старший, с открытым лицом, нормального сложения мужчина. На вид ему нельзя сказать сколько так, или лучше не давать ничего, люди пошли обидчивые, да и что будет с ним теперь, когда будет, думал, инстинктивно вжавшись в ограждение, но отпружинив спешно, отпрянув, достаточно громко произнес:

– Кого надо позову, ну прекратили!

– Это что за новый, опрятные подтяжки! – бросил невольно старшему один из двух.

Смолчав, тот взял, выстрелил в него. Упал, прямо на морозную землю с остатками оранжевой и изумрудной канадки, – было больно, вначале даже всхлипнул, разом перестал, стал немного непроизвольно дергаться – не похоже, но сейчас вдруг погибнет – в сознании кровь хлестала и грела холодное тело.

– Ну что ты сотворил опять, трапезник! (ему показалось, имя предводителя звучит именно так, мог поклясться, произнесла «Трапезник»!) – Почти убил мальчугана.

– Поняла, что будет, не вернешь, – без издевок бросил, едва шевеля морозными щеками, трапезник.

– Без ревизионизма. Не надо!

– Всего тогда, – улыбнулся другой сколь мог. – Пойдем. – Верно, напарник, – спросил, интонируя, тот же из одного из тех двух других напавших.

– Да, ничего не повернуть, спешим.

И посмотрев, в стоявшую на земле раскрасневшуюся женщину, быстрым шагом удалились куда-то вне восприятия.

Она бесилась с негодования, до неуместного возмущения. Казалось, вот сейчас, снова эти сапоги! Первые пол года после окончания приватизации было вполне интересно и развивалось по накатанным рыночным понятным стандартам, но теперь. Одни, другие. Позавчера обещали угостить по такой день добрые местные тормозицы, по папе – прямо бритты, по маме – похоже, что северяне. Зачем бритт зародил новую жизнь в независимой предположительно горожанке, сам много раз пытался прояснить. Будь при советах – судили, и куда скажут, брось так вот ее, и мал мала, уже произносящих, стоит попросить, передовой девиз. Был вполне молод – только исполнилось двадцать три.

Легко осмотрелась в бушующем порицании. Шел приятный мороз воздуха, возможно, порчена погоня демисезонки, утверждать не могла, вроде оптического обмана – когда походка тонет в летнюю праздную толпу, идет не обязывающий променад. Из левого рукава изящной, беспроегрышной на вид поддевки переходил на длань, с нее на колено и на парной асфальт прозрачный, забавный натуральный пот с нотками предгорного шафрана, – создавая нечто похожее на пар на жесть.

– И чего, – спросила парня, в прочих обстоятельствах приятно.

– До свидания, – отозвался он. Было, нет.

Раздался звук двигателя, качающий хап.

– Ты там! Жива?!

– Его поначалу. Человеку помогите! – тоже громко ответила она, и он нагло оценил, что за женщина с ним, совсем недалеко – надо, приключилось.

И не видел, подбежали пара, подняли, против бальзама просьбы ее. Но его тоже подхватили и поволокли к машине.

– Только не в салон! – командовала она. – Просторней в багажнике, что под зонтиком частного пляжа, расположится удобно, а у меня новая, красная. Потом замотаюсь чистить, – был без задних, и не смог ответить на оправдание в свой черед. – Видите – ему совершенно нет разницы, где расположиться. В конце-то концов, мне придется обрабатывать багажник, по-божески.

– На конец земли умогаем, – предлагала она, фразы появились на излете мыслительного потока, куда-то отвлекся, всего на ничего, и они затихли изнутри, надоело, в чем нет сомнений – была в типаж, с большой улицы, такие на дорогу не валятся, глотая кислород после составов.

Сейчас – что лишь. Не нравилось, когда забывалась, смута переживания, а вспомнить не получается – ее еще не было, одно предвкушение.

– Знаешь, хорошая, – молвил, почти не раскрывшись. – Можно и сбежать. Должен мир завершаться где.

Не заценила философии мышления.

– Ты меня? – всколыхнула. Была ее манера начинать, но очень прочувствованно, существование вообще бытовой запал в том умерен.

– Идут? – услышал рядом.

– Восемь разом.

– Скучаю, – сказал в итоге голос, и повесил на том конце фирму.

– Жди.

И тут, – почувствовал восторг, просто вспомнив ее, линии джинсов. А ту точно звали так? С ней было. Из лучших. Но имя не хранила. Набитые историй взаимоотношения. Или это только в его развращенном сознании влечение связано с неприглядностью вящей. Точно презрительно кривя изящно, впрочем, объяснялась из последних. «Я неизбывно холодна, когда пробирает сверху», – натуры испорченность, не может дружить. С той случалось, не покрывало неизбывности. Чего с нею, съехала. Лучше быть открытым, закрытым, получать? Где закрылось, почти новая пятиэтажка, пахнет кроткой осенью, скоротечной точно частые встречи, ноументальны душевные раны, не вопрос, или в выигрыше индустриальный символизм, спортивные достижения.

Подобная, но не срама хотела. Нет желания называть человека, тем паче девушку, по признанному между делом признаку пола. А ведь был там внутренний мир, богатый, манера общения, дикция. Шатай черемуха.

– Добавился в режим обработки сигналов, – спросили грубо.

– Мох?

– Нет.

– Тоже задал вопрос, хотелось бы ответ.

– Чем занимался на воле?

– Учащийся, второй курс.

– Голову поднял, царство не рабов, видеть безупречной линии изломы.

Спеша насладиться происходящим очнулся, махнув красиво головой. Мимо зеркальная поверхность, вот ни что к западу, поездка, готовые к общению, позови только, союзники.

– Поминаешь? – прервали.

Разозлился, принялся бить с тенью. Увидел коридор.

– Ты – сонма тварей хулитель? – нехотя двигаясь спросил.

Секст начал «отчет». Понимал, дотошно пия формулу. По случаю праздников вина. Кто мои подчиненные? – поставил в упрек, забыв приличия он, забыв с трети, что вспоминал. Взял молитвь от промыслов, словами, стеречь, простить на поступках. Попадет в лучший край, прашуры, многие расстроятся, что за лета натворил недостаточно.

– Привет – прекрати, – сказал где-то рядом узнаваемый неназванный.

Перечил, но уклонил голову.

– Святые, помогите!

Пока почти дошел, наощупь, не смотря по сторонам или под ноги, чтобы не увидеть ненароком чего настоящего – хотелось остановиться, прислониться к стенам, и чтобы это закончилось. Но потянулся храбро открыть – пора это прекратить, открыл в характере еще решимости, хотя без адресата.

Проаживались одни, другие стояли, очень красивые почти обнаженные девушки, примерно пятнадцать-двадцать молодых и постарше, вдруг полетел игрушечный аппарат и пробил конструкцию с надписью «Tiamat». Стойте! Я вышел из себя – орал кто-то на фоне, но никто не поверил отчаянию.

– Обрати внимание, я далеко могу зайти, – произнесла похоже улыбаясь миловидная блондинка. – Один.

– Два, – закинула симпатичная справа в почти розовой майке. – Вам нравится, не отрицайте, парни, когда знаете, как девушку зовут, вам даже кого не обязательно знать в лицо, спрашиваете имена, и зная, что они не совсем от рождения, все равно испытываете подчас возбуждение.

– Я еще не пробовал с кем не обязательно, а вы – они, – прервал нагло он.

– Нет, – обиженно, подумал, страшно сожалея, что перебил, отвечала Два. – А что, похожи?

– Здесь все такие замечательные и без лишней одежды! А она, – некультурно показал на Один, – строит мило глазки.

– Ты же не понимаешь, где очутился, – не поддержала начало завязавшегося диалога с Один Два.

– Что значит не понимаю?

– Торопи повозки. – Первая, пылая, говорила, иногда плотоядно показывая. – Тебе надо перекинуться не с нами, мы для чего не совсем подходим, а с голосом, не своим, и он пояснит. А пообщаешься, сделаю что захочешь, и они, – окинула собрание плетенкой аренщика – предположительно тоже.

– Ну ладно, – ответил девушке. – Чтобы провести с вами ночь, с кем скажешь пойду на сделку, только кроме плохих, потому что взять этот голос – зло по определению, не могу с ним заключить сделку – ведь тогда вы не реальные девушки, а часть страшного самого искушения, нет, не хочу верить – заметив поскучевший резко взгляд ее, торопился объяснять лучше – не подумайте, что решил, вы под злом, вижу нет, но вы сами можете даже этого не знать, на деле все устроено так – нет.

– Сдались наличные рефлексии на обычные при знакомстве взаимные обвинения, – заинтересовалась не всем ему импонирующая чаровница с очень интересным вырезом на чуть очаровательно слегка мятом платье, новая краска не позволяла, и немного стоило отвернуться в смущении.

– А у тебя что за имя, – вставил он.

– Понимаешь. Сейчас либерализм, только не пугайся. И насильно действующие – они ведь не лохи с открытым забралом, так и забрать может с ничего, чего они там с собой творят. Бегут, значит, и жалуются, де ты их в виду имел. Очень любят примерить чужое, чтобы чужие не сдали, хищнический оскал капитализма в стране какого там уже мира, хрупкого. При том, они реальные, поэтому им легко объединяться, на взаимных данных. Одни всю жизнь тут изображают других, чтобы соблазнять третьих, поддерживать дискуссию, не знаю, что они поглощают, но явно не с одними друзьями. Так что никакого мне имени, и рассмотрения волнующих острых проблем – в обычном значении, предметов манипуляции.

– Похожи на мою хорошую знакомую, не ошибаюсь, – перебил неторопливо он.

– Послушай, детка, – вмешалась вдруг сильно скромная молодая, пока стоявшая чуть слева остальных, но видимо имевшая определенный авторитет, потому что девушки вмиг

замолкли, мгновения тому, сообразил вдруг, не пение птиц тропических супер сопровождало перепалку, а переговоры неспешные прелестниц, кое-где вдруг переходящие в воздушные поцелуи ему. – Одна моя хорошая знакомая, шотландка, купила однажды три бутылки французского. К ней немедленно подошли активисты и предложили подставить магазин, ведь чека покупательница так и не видела. На возмущение, один из современных дружинников достал из ее сумки, точно средневековый факир – натуральную черепаху, другие наперебой начали требовать на холоднокровное документы.

– На что им, – недоуменно спросил он, и тут же вспомнил, просила.

– Общественники. На каждого почти у кого-то есть. Вот ходят и формируют отсутствие конкурентного спроса. Шотландка в Англии – реальный анекдот, а здесь нарвалась на бдительных.

Он очень хотел узнать, из Англии ли нынче сама, в жизни это наверно было бы вежливо, удержался. Третий номер смотрела на него все более благостно и заигрывала немного уже. Замечтавшись, все же что-то такое пробормотал.

– Они ее под руки взяли и спрашивают: кто по национальности, люксембуржка? Она: ошибаетесь, шотландка. Они: полностью? У вас от нас автокефалия против нас? Она – не понимаю, эти смеются, та не очень врубают, но видно, те еще непрошенные гости, плохо к гостям относятся. За имя зацепиться пробуют и вызнать, на чем добиралась сюда, где остановилась на постой, есть обратные билеты, где. Она – зовут так мол и так, про билет не дам ответ. Они – это что за имя. Она – мама назвала, родители с острова Мэн. Она – да, мама мэнка, папа нет. На что, помахивая корочками «удостоверение Человека с Большой буквы» общественники песню сочинили, буквально пару четких рифм, мама мэнка, папа нет, нет билета, заучен ответ. Зови нас господа хорошие, – сохраняя лицо, сообщили они. Это потому, что не русская? Да? Они – была бы русская, выразились понятнее. Та отказалась петь и подставлять не за что торговую точку, пригласившим ее друзьям было неловко за весь эпизод. – И молодая сама вдруг немного взгрустнув, замолчала.

Ничего не сказал, представляя глухой проулок, молодых, разнузданных сверх меры сотрудников нелегальных коммерческих структур, злых на весь мир, но таких добрых на самом-то деле – хотели показать ориентиры, красоту на теплом ночью искусственном пруду на окраине, они ведь не патриоты, плохие националисты, а я? – примерял на себя историю, надеясь на продолжение. Но та отмахнулась, изящно тасуя флирт.

– Что у тебя за имя, – спросил ее вместо отповеди не в меру ретивым поборникам разобщения в обществе, затем вспомнив, она немного представилась.

– Три, – ответила, сглаживая неловкость ее соседка.

– Вот что. Ну, может небольшое превью, обращаюсь к вам всем тогда, чего там получу. А то знаю, что бывает, говорили об этом самом, об одном и том же, теми же словами, но сама, типа требуя щадить чувства, уважать, что в первую очередь такой же человек – не дала окончательно условиться.

– Давай целоваться, ты словоохотливый, но затем сразу к высшей силе, да? Пару раз со мной и к самой высшей, идет. Договорились, – напирая, миловала особа, подходя к нему на расстояние не более двух метров.

– Тот голос – злая сила или добрая, бог или что-то вроде сонма магов и колдунов? Не могу общаться с чем-то, что общается точно некто конкретный, а еще и называется несклоняемо. Может, это отражение меня и вас, всего мира, а то целый мир против меня?

– Не усложняй мне восприятие реальности. Я такая вот девочка, мне никогда не сделает никто плохо, я дюже слаба, носитель жизни. Паинька, хотя бываю плохой, понимаешь. Тебе видно нравятся плохие девочки, но не стервы, или стервятники. Или хочешь в эдем, где все эти благонамеренные чинно соединятся со своими единственными воздыхателями, дневные святоши. Уверена, там повстречаешь близких по духу?

– Много их в тех парках, собирают свежие помело и нектарины, или они собираются сами, оттеняя прогулки любящих свет добра в пар? Возможна ли жизнь после смерти без власти промысла, кто создал нас на землю данную в грехах, или мы за то пища бактерий, а тут мы под управлением, кошмарно, – меня будут жарить на сковородке-вертеле, о муки древнего героя, где мы – сановники. Сейчас протяну руку и не смогу тебя ухватить, хряп, – сделав шаг к ней, хватил против ожиданий за упругое бедро.

Мгновений пять обычно стоял, ощущая влекущий зной, чувствуя, медленно начинает слегка дрожать. Более не думая ни о чем, резко прижался губами, игриво зацеловал шею. Слегка отстранился, замерев, запечатывая в память интересное вдохновенное лицо, – чтобы выпиться незаконно в губы, но тут та жестко дав в живот кулачком, отпихнула, глядя поверх.

– Не торопи – ждем, что голос решит.

– Ладно, – ответил в тон, не раздражая.

Все отрубилось точно, выглянул, выплыв из вязкого сновидения – ныла голова, это быстро пробуждало. Вокруг, похоже, больничная палата.

– Головушка, – попробовал сказать он. – Губы еле приоткрылись, язык почти не слушался.

– Очнулся, – сказали у ног.

– Где мы, – попробовал спросить, ничего не соображая.

– Слушай, – продолжил голос. – У тебя была почти смерть, ты был по ту сторону, пару деньков, – человек на вопросе приблизился, и он увидел в беловатом тумане высокого представительного мужчину в элегантном синем пиджаке. – Исчез, прав?

– А, – снова попробовал заговорить он, но также раздалась лишь нечленораздельные отдельные звуки.

– Нет, что ты, – неожиданно понял незнакомец, – тебе ведь сказали. Точно? Покажи, что слышишь.

Недовольно зажмурился, надеясь снова видеть девушек, это не помогло.

– Выходит, был в портале. Должен понять важную вещь, ты не совсем тот, что был там один. Понять можно, объяснять причин нет. Когда спросят, в конце свет, своих близких лицезрел, можешь добавить будущее видел, говорил с ними. Никому, кроме тех, кто сам начнет разговор, не говори про девушек, и особенно про сам портал, скажем так, кстати, открыл там?

Действительно не знал, что за ответ будет правильный, и слабо легко кивнул.

– Вот еще, с тобой могут заговорить и другие – не такие, кто пережил уже, но и те кто пережил не подобно тебе, или мне, или – ей, к примеру, – наверное человек говорил о ком-то в комнате, – не знаю, сможешь распознать кто кто, но будь готов, предельно аккуратным в общении, посторонние могут притвориться знакомыми, передавая неблагонадежных друзей по сцепке на цепочке.

Хмыкнул, не видя в пожелании быть готовым к неприятностям ничего дурного для себя, от него же не требуют обещать нечто конкретное, наверно доктора, с добрыми пожеланиями перед необходимой и полезной процедурой.

Может проделки тех сил, было то реально, и насколько действительно это, лучше взять критерий существовительно, возможно, для успешной оценки последних событий?

– Запомни, поведаешь правду, поместят в изолированное помещение, начнут проводить опыты, вполне серьезно. К сожалению, ничем не могу тебе помочь прямо сейчас, я не доктор и нахожусь здесь совершенно без разрешения, а скоро к тебе придут работники, и тогда даже они, соседи по палате, кто угодно, конечно, и особенно эти могут. Не проболтайся никому про девушек и портал, а только, повторюсь, говори не более других, кто переживал подобное нечто, верно слышал, – он более уверенно кивнул. – Хороший парняга. Найду тебя попозже или кто из наших, и все объясню, пойдет?

– Тогда все, мотни дополнительно четыре раза. Потом отсчитай десять и еще пять, только никому.

Так и сделал, посетитель мог оказаться кем угодно, может и в себе, но разбираться он разве может – и пошевелиться не в состоянии, похоже, тот что-то вколол, пиджак представительский чего стоит!

– Ни к чему тебе моя фамилия, а отчество, раз надо по отчеству – у нас не дают, откуда мы. Пришел, кстати, с подругой тут был, она тоже, – в тумане появилось женское лицо в длинной под стать шалью, спадавшей на крупной вязки акриловый свитер, в отличие от красочных недавних переживаний повседневно буднично угадывался потрескавшейся непонятно с чего слегка интригующий, – потолок палаты. Был однажды в больнице с подозрением, а еще один раз, но там меньше недели было – предполагали вообще, симптомы страшные должны быть, у него – ничего, оказалось точно в анекдоте.

Смеяться. Опять летаю, – тяжело подумал. Голова болела поменьше, но пошевелиться так и не получилась. – И зачем рассуждать? Разве недостаточно, просто можем делать друг друга счастливыми. Я и подруги дней, бабушки и внучата, президент и российский народ. Что за ерепень в процессе сменяющих наплывом недавние терзания будней, – надо нацеливаться на прибыльные заработки, искать подходы к нужным людям, а все о жизни простых людей, приватизации грабительской, подлости и лицемерии вокруг, жертва объективной информации прямо. Но да, – загорелся, – о негативных чертах характера людей, взаимозависимости своелюбия, единоначалия и дисбаланса морфогенеза!

– Ты такой так, – пошутил, пародируя эмоции, даже не слова, такое, бей, прыгай. Не принимал, когда его звали непримиримым, вообще не оправдывал ярлыки, это всему свой коленкор. Не восхищаться, и ненавидеть поддерживающую коммуникацию для него было чем-то своим, точно те катания, или черничная гулянка, на которой одна из первых на первой впервые показала ему, что не только в фильмах для взрослых, как называл такое один родственник, бывают прихотливые девушки и великие бездны влечения. Да и та, не говоря о ней, или вот той, не для сравнения. Та. Немного утомили антитезы, но была сильна искусная паника, неудобно было. Похож обездвиженный должен быть на Тутанхамона, лирично. Иногда, подчас сам с таинственным замиранием перед загадкой, чаще и весьма придирчиво с призранием к слабостям – оценивал выражения и переживал, вот низко пал. Что с ним произошло за два года, что бросил обучение, никто не сможет пояснить. Возможно, правы, точно родственники, кто винит его «этих», «опять эта твоя звонила. Зачем бросил? Че совсем? Передай той ходить в панталонах, в нижнем белье в обтяжку по Москве – именно развратно. Она что же, приглашает всех к себе, в себя ха-ха, это грустный, маленький, смех», – на учебе появиться разве, хоть днем этого не будет, переживал, пытаюсь включиться. А так и останется теперь он, – представим, что надолго, и говорить не получается, тот визитер, так не хотел чтобы рассказал что видел – был не в себе, а где, пойдут вопросы, начнутся бесполезные толки по-латински герои и названия нехороших болезней. Зачем не по-русски? Когда же ты замолчишь, уже перебил сам себя про себя также, не пожалев – будет тебе, давай потупим, или подумаем о чем-нибудь отвлеченно. О чем? О девушках, знакомых милашках в юбках, готовых зайти далеко, так говорит родственник тот в своих знаменитых байках о служебных романах у них, на филиале. Представители старшего поколения семьи через раз переговаривались, просто придумывает, такого вчерашние советские служащие не могут делать, тот уверял, и в пятидесятые было, не у них, его вроде еще не было, а может и был, он не знал, конечно, а скажи кто, вряд ли запомнил надолго. Иди туда, хорошо? И до кольца не один, а там почти дома. Ты молод, напористый, подкажут рядом, все там знает, пристроись за нечего взамен, еще и его перетянешь, он всем, видел, знаком у них. Его и зовут только полным именем, даже молодежь – покажет тебя кому, пометка в деле надолго. Почему не хочешь, – Секст уезжает, по новью пьют.

– Привет, меня видишь, – задрезжал в ушах заботливый голос. Докопается мигом, чего делал подле булочной, – понурился, но здорово, что кто-то.

Вытянула из кармана большой ключ, и непосредственно улыбаясь, потянулась совсем в его сторону.

– Ты что? – попробовал сказать, но получилось вроде нечто не понятное, – она вонзила нож рядом, спрашивая:

– От переживающих был?

Похолодел, общение с гостями не прошло вскользь.

– Отвечай, или порасспрошу.

Посмотрел в сторону ее рта, твердо сжатые решительные кулаки, еще более широкие, чем обычно жесты, такие очерченные черты лица, наперед важного решения, похоже готовилась, даже не успела надеть правильные кольца, и те выглядели не так празднично, привычно.

Или не она, что за шутки, где работники, что в мире грез опять. Что надо. И так пострадал, разве не видно, уж ты должна понять, вдруг хрустнул фаянсом хохломы на перевешанной елке и бухнулся на нее сразу обеими руками и головой, неловко задев по подбородку. Та взвизгнула, и размахнувшись – ударила его, дернулся в сторону, попала в плечо, взревел и скатился с койки, вскочил мгновенно на ноги, провел двоечку, она рухнула на пол и обиженно заскулила.

– Что за жесть! – взревел было он, но получился лишь набор шипящих, – а больше не пришлось пока пытаться восстановить речь, укол стоявшего за спиной усыпил.

Сначала слышал новые голоса, делал вид, умиротворенно где-то. Говорили сразу трое или более людей.

Потом прояснилось, ничего такого, привстал. Что бы могло быть: все что увидел, скудный одноместный бокс, человека в белом халате – молодого и двух еще.

– Очнулся! – радостно вскричал старший по званию, обратясь ко второму.

Тот достал из кобуры пистолет и направил на него.

– Что вы делаете! – закричал работник. – Прочь из палаты!

– Заткнись, – приказал второй, и достав пистолет, направил на работника. – Молчи или зашибу.

Тот показал готовность подчиниться, и непокорно вздохнув, перевел взгляд с пистолета на угрожающее лицо.

– Кто тебя, – спросили его.

Показал харизматично, – не могу говорить – и кашлянул, пытаюсь, словно в гнезде открывает клюв, ловя пищу, изобразить типа «нет».

С пистолетом усмехнулся и сказал очень ласково, словно доярке, благодаря за парное:

– Отвечай, прошу, – и подозвал другого. – Покажи.

Реципиент грохнул в стену палаты, затем прибавил угрозы ударом.

– Больно, – кричал работник.

– Помолчи, вообще получишь.

Работник повел плечами. Потом закусил предплечье.

– Звать тебя?

– Зачем вам.

– Не обманывай. Между делом, ты националист? – спросил Секста, точно уколол.

– Не знаю, – ответил он.

– А я нет. Так есть имя, человек?

– Ладья.

– Без шума. А ты, дорогой, ответствуй – и правду.

Запоминал имена, но не с первого знакомства, зато гордился феноменальной «визуальной памятью», кроме, боялся расстроить походу переодетых бандитов, взяли в заложники –

и, быстро вспоминал он, – надо не перечить, быть очень наблюдательным, найти способ оповестить полномочных.

– Подъем, – оповестил безапелляционным тоном старший, так может человек в форме, превосходный отец – юноше.

Слез с койки и стал одевать, подпрыгивая, брюки. Вдруг влетела девушка.

С порога резко переменилась в лице – с беззаботней летней улыбки – на крайний испуг и отчаяние, почти появились нечастые слезы, не сводила глаз с собравшихся. Однако, тот прикрывал заразительную улыбку, и смотрел только на нее.

– Ты ничего, – выпал в штабель один из этих. Действительно, девушка была необыкновенно хороша внешне – не старше двадцати пяти практикантка с натуральными бровями в немного неуместной прическе.

В коридоре раздался шум, хлопки.

– Кто? – махнул один ей пистолетом.

– Снизу, но не уверена.

Махнувший чуть приотворил дверь, заглянул в щель и элегантно прикрыл, громким шепотом говоря своему, там трое – показал забавно. Повторно проворно выглянул, вновь слегка открыл, прождал таясь, вдруг уже резво распахнул в, дверное полотно чуть не полетело, выскочил в коридор, одновременно стреляя, бах, – пять. Гул стоял в коридоре, а второй стоял опершись в колени и дышал, потом мотнул головой – на ней в первый раз за все время не было и тени, и пригнув ее, вышел было, потом словно забыл что-то, дернулся, заглянул, посмотрел пристально на что-то одно, и подхватив первого, втянул обратно – интеллигентно направив щеколду обратно.

– Через окна, – приказал всем.

– Не стоит раздумывать, – и подтолкнул к окну одновременно работника и девушку, – прыгайте – только не решайтесь бежать – сверху перебею на пару, точно мой компаньон, не хуже, тех.

Работник подбежал к подоконнику. Открыл угрюмые ставни, девушка помогла подсадить на подоконник. Он свесил ноги, и обернувшись, сказал умоляющим голосом смотря на одного из ужасных людей:

– Сломать можно что-то, ушибиться!

– Тогда осторожно. Действуй, или я тебя вот прямо здесь, – ответил тут же, и махнув перед ним ладонью прибавил: – Время не для длительного обмена расходящимися мнениями.

– Пожалуйста, мне не хочется, – в голосе была неподдельная просьба о помощи.

– Считаю до двадцати. Четыре, тридцать, – второй, подойдя насладиться кружившим над кроной большого дерева в искажении двойного стекла облаками, взял говорящую паузу.

Работник вглядывался в их непреклонные спокойные лица. Его лицо приняло достаточно невнятное выражение:

– У меня пятеро.

– Молодцом.

– Ладно, прочь разногласия, – выставил локти, затем, не услышав и окрика, перебросил вначале ноги, высматривая осторожно там что-то невидимое для всех, наконец, завис на руках, и резюмировал:

– Была быль! – и разомкнулись пальцы.

– Ты! – оба показали на девушку, один фривольно. – Тебя не надо упрашивать?

– Нет.

– Прыгай также, только поняла, группируйся.

– А что это значит?

– Пошла! Вот что значит. Спешу.

Она обхватила руками плечи, задрожала, но никуда не пошла.

– Скорее, – ревниво, но с некоторой гневностью приободрил собеседник. – Он тебя не погладит, не прыгнешь.

– Тот прыгнул! Тоже будет, – показал на Секста, делая сообщником. – Второй этаж, зачем гоните, ты не знаешь, неужели гуманитарий? Переучилась?

– Сейчас на вечернем.

– Давай, завершим дискуссию. Не прыгнешь, пеняй.

– А его, правда, зовут не совсем так, не говорите – подумала она вслух.

– Прыгай, хватит заводиться, – она примостилась на подоконник, оттолкнулась, и когда тот театрально топнул, покинула помещение.

– Ходи, – поманил тот же его, не поворачиваясь, и смотря внимательно на панораму перекрестков через приоткрытые, шероховатые изящно лопнувшими скорлупками побелки, античные ставни.

– Не люблю считать.

Он подошел к раме, где замер, и не желая смотреть вниз.

Начал было молиться, впервые за год. А нет, молился недавно. Тогда ладно. Не принимая сомнения за знаки, наощупь перекинул ноги и прыгнул с воплем. Немного невесомости, потом ударило. Валялся по земле. Рядом раздались два похожих удара живой плоти о твердое – прыгнули, видимо, переодетые.

Кадрами запомнил, бежали к машине. Работник вырывался, но ноги не хотели перечить – сбилось предчувствие – легко травмировался при прыжке, их тащили жутко, периодически ругаясь, чтобы не пытались идти сами. Не отставая, спешила и девушка. Пыталась протестовать, тогда один из них тыкал вперед указательным, повышая тембр:

– Для чего испытывать на прочность! – компания запыхалась недовольно, а она сбросила шпильки, спешила босиком. Несмотря на положение пленника, о красоте такой ее он думал постоянно, или благодаря ей. Освободимся, и тогда неплохи шансы на отношения.

Долго, бесконечно ехали на новой волге вначале на Балашиху, потом часто грунтовыми или бетонными дорогами, весь день до поздней ночи, наверно до двух. Говорить запретили, кто хоть обмолвится – не получит еду. И не думайте даже ни о чем. От нас не бегают.

Молчали, переглядывались, он все сильнее испытывал влечение к девушке. Она кротко поджимала в легком блеске губы, поначалу не замечала, что так смотрит на нее, томясь от желания, и его не смущали два этих пистолета. Наверно она сейчас, очень по-женски, переживала за работника скорее. Он замотал голову майкой, видно было, отлично держится, но помнит, унижался, просил. Секст показал работнику мол. Тот присовокупил о пол дрожавшими кедами, слегка непривычно, но терпимо. Молодые сильно сблизилась по-товарищески, эта неунывающая троица в плену у двух бандитов в запоминающийся день – потом подумает, в сентябре, в августе.

Знаешь, – обращался к ней внутри себя, – есть что проговорить, не знаю, о чем повел речи, встретиться она при прочих обстоятельствах. Давай начнем вместе. Та смотрела на него, молод, но ведет себя очень мужественно, смотрит на похитителей неприязненно. Один повторыл, отвечая на укор:

– Не надо изображать. Они – держатся, не захочу чего, даже и придется, а тебя – тебя бы наперед, – ну и так далее.

Глава 2. При пяти

– Клавенрон Хуг? – интеллигентным, и потому реально побольше мерзким, точно мах друга хитрецу незаметный год назад, такой шлепок, тем и обиднее, что не больно, но звук прозвучал так, из этой трубки, недобрым мужским «немужским» голосом поинтересовались. Кнопочный, или по выражению старшего, – цифровой висел всего ничего, на кухню переехал более новый из спальни, а красный ветеран, помнивший еще секбэм, ценой получасовой схватки с «другом душевным», называл в сторону половину в запоминающиеся мгновения, отправился на антресоль, он проверял – так чтобы видела, там, нет.

– Что нашла ты в этом человеке? – она смотрела томно точно на ребенка, бегал, и не признается, затейник, обожала детей, действительно, что называется, точно детей. Еще ей очень нравились люди, но после последних знакомств, решила никого в близкие не брать, и вот уже год стресс снимала не пушистым бессловесным одеялом, а пойдет, кажется, еще ничего не имеет ценности.

– История, раззява. Чего ты? Мой прадед по нему говорил с Булганиным!

– А палки у вас нет семейной?

Про них слышать больше не мог. Иногда казалось, нет никакой Нелли, это собирательный образ всего их коллектива, хотя и видел прообраз, и у них бывали неделю за год, честная канцелярия, почему дорогая так лебезит перед ними.

– Чем тебе он мешает?

– Пыль собирается. Дышать нечем! Хлама набрал, стервятник.

Никогда не материлась, но чем зацепить, знала досконально. Ненависть была сильна, такая женщина былинная, останавливавшая время.

– Нет, – наконец протянул. – Лавенрон. Кто спрашивает?

– А то не понял, может и должность назвать. Вы дома сейчас?

– Вы видите.

– Уважаемый! Не сложно, лучше подойдет прямой ответ.

– Слушайте, вы мне домой звоните, я и отвечаю – дома я или нет?

– Вы – Хук?

– Хог.

– И это Вы? Просто Х можно?

– Пять.

– Гражданин! Я – на работе, догадались верно. Будьте добры, не трать мое время ни на что.

– Я.

– Очень хорошо. Никуда не собираетесь?

– Куда?

– Никуда не идешь, да?

– Пока нет.

– Так, хала хлебобулочная. Я через десять буду. Совсем уйдешь – вини себя, под землей найду, на три штуки, ясененько, Хог, прикинь для заметки, что избрать?

– Да, не возражаю, – он разбитно плюхнулся на диван. Наверно родная устроила, придет сейчас какой-нибудь щиток смотреть, информация, мухлюете с показаниями, или еще что надумают. Нет, не иначе душевный друг позаботилась, чтобы не скучал без нее тут. Хоть буду знать, как власть выглядит, о чем речь.

Не тут-то. Громкий стук в дверь, потом звонок снова стук – похоже ногой, с похмелья показалось, кричат матом, но что именно, не разобрал, а скорее всего воспроизвел это сам мозг – через три двери было не слышно даже когда младшие взрывали в подъезде «Удар грома».

Проб был явно не в духе, такое с ним случалось не часто, обычно всегда обходительный этот обычного телосложения приятный человек превращался в какого-то зверя.

– Ты чего?

– Я? Да так. Пошли.

– Куда?

– Давай быстро, поднимайся.

– Что случилось? Отдыхаю, работали допоздна.

– По дороге объяснимся! И на вот, держи – протянул чекан мавродивки. – Там мой заждался уже, и не выключал чтобы сказал, давай, прокатимся. Кое-чего раскинем?

– Прав, – спокойный внешне вид Проба Клавенрону был знаком, и заворазивал, быстро хлебнул четверть и ойкнув скорее, чем икнув, даже парабольнув рукой, извиняй, – все когда-нибудь жевали хомут с тяжелой морды, чтобы лучше было, а то так и упасть можно, что впрочем, не имеет также собственного значения. Многим распивание разумно видится проблемой самой воды, точно она обиделась на заключение в бутылки разноцветные. Некоторые потом сожалеют, но все в целом легко исправить, особенно при равенстве полов и возможностей, а у индусов – не возьмусь сказать, их женщины мнятся чем наше скоромнее трагизма, – и пронеслось молчание на полушариях Хока, когда он деонтологизировал.

Еще позавчера, дня четыре тому был «кабачок». Всегда теперь разве будет.

Сами по себе вышли, Проб настоял поздороваться с обеих рук, помог забраться.

Так он (не тот, он сам, хотя с кем не бывает) вообще не покойный, да два подряд дня в такие щи уходили на суточные, где-то был, дрался, не помнил, потом утро, злится.

До – в воскресенье, с Пробом бравурно отдыхали с тремя в меру приятными, немного симпатичными пищащими, не кончая базар спиртовичками – первую не помнит, Дедалой и Гнетти.

Хорошие уже заканчивали через месяц образование, и хотели, что называется, попробовать, что это «взрослая жизнь», а то вдруг принц будет над ей смеяться, не так пойдет, концептуализация изначальных эмоций смутит вконец, или своей напористостью все напортит, и благородный к другой убежит, а так всегда можно что, но сказать. Он – поверит. А ныне – поехали, там объясню, чекан захватил, будто я алкоголик, без ошибок назвал. Сладко звала Бетти, главная и единственная радость, счастье всей жизни, куда не привело, мыслил о ней – вспоминая то нежное тепло иногда.

– Братишкин, – Проб перешел на более драматичный тон, видно было, нервничает, таким похоже его Хок увидел впервые.

– Знаешь про правило двух свидетелей?

– Секст, с ним-то что?

– Ничего. То есть много чего, когда интересоваться. Живехонький, не переживай так.

– Что-то – вообще? – наблюдав перемены в лице родни, – кем там приходился Иотираван, спрашивал раза три, и у Три три, даже у его – тогда Иотираван с него спросил, сразу войдя в квартиру, порывом налетев, – испугал Поста, вернулись из медового месяца, она была еще не освежеванной, загорелой, виделось, его девушка – на сто.

– Проб! Я – можно, закурю, – извините что перебил, Хок.

– Пожалуйста, – согласился Проб. Он всегда так.

– Хам, – неожиданно для сказал Пост, застеснялся, глаза побежали, что с ним?

– Легче, братик, ты чего! – Проб иногда просто сидел, потом окидывал всех взглядом и говорил чего. С разными интонациями, а обычно с одной, непонятной в его униженном, по сути, социальном положении. Причем такими довольными жизнью бывают только мужчины из obsługi, так их называла, между ними, его. Зачем ты так о нем, причем за спиной! Хочешь, чтобы в лицо бросила? Ладно. Нет, что ты? Увидишь – сделаю. Он не мог поверить. Проб, всегда очень вежливо и внимательно слушал дежурные истории о новых, совсем не интересной

текучке в отделе, и тут она: «а у вас – в обслуге»? Пост подавился вкуснейшей, таявшей во рту шведской селедочкой, откуда только Проб нашел...

Пост прочувствовал напряжение в шее, и потянулся к Пробу, чтобы остановил. Тот понял, и хлыстом по сдыхающей за полмили до почтового скотине криком, переходящим в слово, но что за, Пост не слышал, фактически остановил автомобиль. Изучая ремонт полотна в открытую дверь, прямо на перекрестке, все думал – откуда только у Проба это, взять Никона. Робкий, зеленый парнишка, вот-вот с городской службы, сам откуда-то из-под центра, или с ближней периферии? Чуть ли не их села – за полгода в столице, уже жигули, не новые, но на ходу. Проб говорит, бизнес делает, резинку из Китая, еще что-то, порошки, да – порошки. И сам как-то рассказал, мол, купил вначале сто пачек порошка – на все, что получил за месяц. Толкнул кому надо, купил уже сто тридцать, пошло – поехало. Пост так занервничал тогда, не к добру вспоминать. Дай сигарету, что ли, или не надо? – Вы ж не курите, Хок! – Не закурил, стараясь не смотреть молодому в глаза, и спросил по итогу, – Родной, а я могу тоже купить пачек сто, даже сто пятьдесят, или больше – почему порошок стоит, поможешь? – Зачем? Ясно разве – Секст учится, пуловер новее прикупить, отдохнуть.

Тот засмеялся. Совершенно не похоже на него, этот смех, наверно с прошлого, там многое было. Потом снова помялся, посмотрел Посту в грудь и очень четко заявил: Вам туда не надо. – Почему, – не целиком понравилась интонация. – Отнимут, – удачный коммерсант без удовольствия хмыкнул в задернутую красивой тонкой наледью правильной формы лужу.

– Ты уже там? – прервал поток несвоевременной интроспекции Проб.

Пост понял, уже не смотрит в обнаженную ломку гравия, висит головой вниз над тем же асфальтом, вглядываясь в бывшее с ним позавчера.

– Жизнь такая. Секста подстрелили переодетые бандиты, в больнице, – начал Проб медленной, нежели раньше, похоже вид отдохнувшего того дал уверенность.

– Что это за бесцеремонность? – он заметно побледнел – кусочек фруктовой массы, очевидно застрявший в зубах или тканях пищевода, сорвался, и пролетев с полметра, шмякнулся в шею.

Тот выдал нечто вроде, но Проб уже успокаивал, «ладно бывает, перебирал накануне фотографии тех лет, сам знаешь». Откуда они все же познакомились, искал ответ Клавенрон, а фоном стояло его имя.

– Будет. Вон, чуть магнитола не выключил.

– Пока в учреждении? Придет к ужину?

– Пропустил. Везде ходит. Помнишь, мылись в бане, новая помпа упала, ведь даже не брякнул горячего.

– Разговаривает, память, поломал чего?

– Вроде, нет.

– Когда, вчера?

– Снова нет, неделю в больничном свете.

– Столько? И не сказали мне? Получается, когда в воскресенье бряцали – Секст, с ним и такое?

– В прошлое, Клавенрон, не это.

Эхом в ответ интеллигентно кашлянул, потом цапнул внутри – и голова его припала на плечо, а сам завалился мешком картошки в открытый кузов.

– Зачем вообще взяли, разрешите, – домой? – Никон посматривал в водительское, лихо крутя баранку, гнали где-то сто сорок.

– На всякий. Кто там знает. Хватит посматривать неволью, дорогой.

Никон помолчал, нахмурился, и уже не спрашивая, так, глазами через зеркало, прикурил.

– Брось и мне?

Тир также без слов протянул ему отвратительный яд.

– Ничего?

– Да что сказать, Проб, предчувствие нехорошее. Вы извините, может захватим Ена или Та?

– Оставь. – Сизый ароматный дым швейцарского марлборо наполнил велюр верха. Окон не открывали. Проб не знал, почему решил обойтись одним им. Там иеех, хотят видеть слабость, смотреть – что внутри. Стоит оплошать, – уважать заново не заставишь. Сейчас поинтересуются, не попутал кто, к чему артиллеристы. Сами решат, по разговору.

– Проб, позвольте вопрос?

– Давай, – после, только душа заснул, Проб ожил и уже с минуту бросал на Никона вполне благожелательные взгляды, тот мог видеть в зеркало, менее чем за года два, чувствовал перемены. Месяца через полтора, когда устроился, Проб, дальше дежурных фраз с ним не шедший, в один вполне обычный будний вечер, нежданно таким новым тоном, что обернулся, будто кто еще в машине был, залихватски ритмично щелкая пальцами, цокая, и раз в минуту произнося фирменное что – начал ему нечто быстро говорить, даже не понимал вначале, к чему. Был у них главный, точно все в общем. Сам не зная почему, силясь понять это перед сном в своей милой комнатке в последнем четвертом этаже необшарпанной и такой простой, родной советской, что щемило за грудиной, проходной общежития, но главного вспоминал чуть не каждую продолжительную поездку с шефом. В чем причина? Кое-что наверно остается без ответа в этой жизни, ставил мысленные тире Никон. И сейчас, крутился в голове.

– Так о чем? Не тлей, депеша, – подбодрил Проб примолкнувшего друга.

Вот и тогда – точь в точь. Закончив думать все предложения, которые не мог ухватить в цельнокупности, получил от Проба в плечо:

– А погнали, по девочкам?

Адресат покраснел. За всю жизнь, было у него три женщины. Вернее одна, и две на время, которых дома за женщин не держали. Лайки, так ее звали. Не дождалась. А ведь еще за полгода строили планы, показывала кус джинсовой ткани, из которой дома сошьют ей ему правильные штаны. Летала без умолку, заглядывала внутрь души, словно не расставались, за углом подсобки – их самая длинная в жизни ночь, клятвы, объятия, что положено. И на тебе! Два месяца оставалось! Уж они счастливы были б. Подходящая парка. Односельчане старались не встречаться с ним у магазина, хотя обычно встречают – встречают, год по городкам чемпион. Трех дней не побыл. Его поняли. Глава семьи был против, но видя отчаяние, во всегда с задорной хитринкой честных порывах среднего, обнял крепко. Увидел, не ровна гардина, заплатит. Чтобы случилось, не оставь командир телефон «человека в столице на всякий» – о том только ныне позволял думать, ведь ладьей стоять что не был да пришлось дабы, а в людях: неумеха, нежданчик, забыли его в помощь правым правый.

Там женщины чего решат – кто их разберет, может Лайки не сама ушла. Или он виноват – абдукция люта! Подцепил кого не видно. Травмоопасно бить рельс заводской – номер таковский дела, говорит, молит ячеистый монолит, что девушка добрая, хорошая, стала бы такого, чисто эмбарго, на алиготэ за так менять? Вот в вот. Населенный пункт не велик, всем жить в согласии оптимально, хорошо получилось, прощай. Пусть брешут, сбежал, что скрывать. Сейчас время – дай каждому, накопит, иномарку у Та одолжит, вернется. Старшее поколение уже писало в самых лестных словах, сколь благодарна за помощь, и соседки справа завидуют сыну. О ней – молчат. Шикарно рубят, точно шинкуя на весну.

Понимая, нельзя ударить лицом, пересилил злобу, и ровно мужику пореволюционному отвечал Пробу:

– Погнали!

Утром после гулянки, война Никона круто переменялась еще. Проб вел с ним, ни в чем не бывало, точно не братались вчера, не рассказывал он, пьяно бесслезно всхлипывая, всю свою короткую, четко по партии, что впаяли золото, стезю. А девочки? Пять раз вызывали! И

оставляли – всю бригаду, расклейщиками объявлений о найме для друзей. Примерно в середине дороги Проб достал из дверцы «Смит». «Держи». «Что?» «Говорил, знаешь. Волторны. Система – трезвящий Бандерас». «Да что с ним делать?» «Жать! Можно еще кешью распылять, но не пробовал. Будешь колоть – обойму выплюнь, и смотри, нет ли в стволе пыли». «Мне надо кого зашевелить?» «Мешок твоего супа знает, самому виднее. Держи всегда у себя» – тут он поглупил: «А вдруг кто найдет?» – Проб отвечал: «тогда ты...» – и цыкнул условлено, плавно проведя подушечками.

– Вы точно полиция, Проб, или шпага мальтийская? – хотел сказать что-то приятное, да не каждый день ставят перед фактами, что отныне – бандит. Что там село, иномарка ржавая карданом – или пропасть, или пропаном лопасть. Газет, конечно, не читал, и новости не слушал, но точно многие крепок. Проб не стал тогда воспитывать, не хмыкнул свойски.

Вконец спросил, чего хотелось:

– Что «за правило двух свидетелей», о чем с ним общались? Или не мое.

– Не бери скотину на башню. Внимание уводил, чтобы не сильно понял, что там с его, а то разойдется, колыбельную ставить.

– Иначе, нет такого правила, – ехать еще под сто, оба чувствовали необходимость разговора.

Тир не сходил с ума от своих, не всем, даже в нынешнее отрубное время пить с лица, пытался выглядеть современным, – но внутри не был фанатик. Молодой напоминал ему самого двадцать с лихом отмотай – такой, время изменило моральный голеадора.

– Ну что тебе там, – участливо спросил Проб. – Вспомнил?

– Что?

– Что значит быть в тес? Готов улетучить этих диффузных, в случае минимализма сопротивления?

– Знаете, да, Проб, – работник скоро продемонстрировал себя с неожиданной стороны, что ни дело – правильная тридцатка. Особые случаи будет несогласный, так, например, чего короче.

Сколько их там? Десять-пятнадцать? Справимся? Вопросы набросились на двух мужчин, точно машина резко въезжает в переменный дождь. И до конца пути молчали, изредка пихая Проста под бок, тот одинаковый звук издавал – видимо, проверял не совсем ли, хотя скорее – забавлялся с этим моментом, вдруг тот смучается с похмелья прямо тут, на сидении, что говорить? Забьет. Сквородой железной – не подумает.

– Взять чего, – неожиданно проникновенно как он один умел из всех, – произнес, когда показались первые постройки фермы, Проб, слышал такой низкий голос, где? – Присмотри за Секстом. Война пойдет, схоронитесь. В том прибежище имеется люк в помещении для халатов химзащиты.

– Вы что, что ты, – неожиданно для себя вдруг обратился к Пробу на «ты» будто у метро, к залетному. – Сам тоже переживаю, видно это.

– Тебе куда, домой отписать? Мы поможем там, и с домом, никогда не подводили.

– Можно, – парень уже думал о другом, во второй раз была такая особа, и Проб очень трогательно, увидел в нем в самом ребенка, маленького Секста, с эгоистической притягательной важностью протянул задумчиво, светло-задумчиво, как сам ища, почему-то было не тревожно а волнующе-обособленно, предвкушение светлого будущего в солнечной пыли грунтовок, – пойдет. – Это вот «возьмешь» детское, он, и девушка успокоено засмеялись.

Показались блоки, ворота фермы, у самого первого столба трутся пять-семь совсем молодых, на вскидку без оружия. Не больше.

Притормозили метров за тридцать. Проб, поморщившись, столкнул невнятного показывавшего решительное нет Проста, завалился набок, а потом голова медленно сползла и воткну-

лась между сиденьями. Ну и пусть, страус навеселе, – хохотнул с закрытым ртом почти в адреснаLINE Проб и вразвалку двинулся к фигурам, не закрыв дверь.

– Кто главный, – позвал властно метров за двадцать.

– Я, – совсем просто ответил один из них, внешне не отличимый от прочих, в хламиде.

– Где мой? – спросил без вызова Проб.

– Твой, видишь, стоит, земляк, – обратился к нему один. – Но не много. Он видел самого Лондона. Лэндона?

Тир с обычной улыбкой выхватил из-за спины прикрепленный автомат и навел на говорившего:

– Теперь что скажешь, величавый.

– А вот так не надо грубить, – перебил представившийся лидером.

– Вот твой хумидор, – названный Пробом указал в сторону других ворот, из которых еще двое выводили Секста. С ним была девушка и испуганный мужчина в халате.

– Мэй и Варенукер были должны Хоскинду, там ровно – трофей, но Лэндон так не оставит, кто видел в живых его лицо, будь это твой родственник, или твоя та.

Тир даже не дернулся, а Никон побледнел, лидер говорил о самой актрисе театра.

– Стойте! – в искреннем изумлении, Проб с другом, поверив, было оглянулись, – закричал самый такой. – Это что за не пойми сам?! – Никто не заметил, Клавенрон Хок проснулся и уже почти дошел до них, метров пятнадцать. – Стой! – обратился к нему кричавший раньше. Тот шатался, Проб видел, не понимает где вообще. Из рта вырывались проклятия.

– Это что за немое кино, вообще за съемки? Я распорядитель на массовке? А ну ты, пасть заварил, быстро, сказал, чего рассматриваешь, – Хок вдруг полез на ближайшего.

– Хороший, попутал? Ляжешь тут, – парень вначале попятился, тот неожиданно напал и слова его звучали, потом перед товарищем устыдился своего страха, и подумав, что разборка началась, просто все тормозят, выстрелил, выхватив пистолет из широких штанов столь быстро, никто ничего.

– Помогите! – сотрясал воздух Секст, вырываясь из цепких рук охранников, они открыли огонь одновременно из автоматов, из-за ворот вдруг стали прицельно шмалять рядом, «недооценили»:

– Убегаем, – звал зигзагом пригнувшись, сломя голову к машине несясь, Проб секундами всего позже, вдруг его подкосило точно, а Тир отстреливался, упав.

– Прекратить огонь, – раздалось со стороны.

На дороге, не пойми откуда, появилось человек восемь таких же с пистолетами. Проб и Прост бросили свои автоматы, тем более патронов у Проба не было, а молодой поступил по примеру товарища.

– Проб, значит, – ехидно спросили из толпы. – Чем объясните? – Этого – в мою, а пехотинца и родню – до свидания. Наших – отдельно, всех записать, – десять минут икс на обзор.

Тиру было не очень больно, он только сейчас это понял, что даже спорить не может, невыносимо.

Молча смотрел, через руки несших его куда-то в кусты гадов, Никон обнял Секста, когда их подвели к друг другу. Думать Проб тоже не хотел, просто понимал, что они попали, и раз люди, зная его, идут на такую, надеяться – просить что-либо, спрашивать – бесполезно. Сдали, наверно не один.

Глава 3. Четвертое в ванне

Не помня себя, Она покидала больничный комплекс. С ней такое бывало, в последние красивые месяцы. Жизнь иногда, словно тлеющие медленно в таежном колодце головешки-розжиг. У подруги есть подруга, очень хорошая, ниже живут, где твердьни. Всегда получали чиновники, партийцы. Имели в избытке, но перевернулось в одночасье, юные все не по специальности, но отпрыски этих – находят место в государственном аппарате, а внуки отбывают за рубеж, наследники традиций. Их называют совершенно непотребно, клеймят на собраниях, ненавидят на глянцевых обложках фото. Требуют заботиться о имидже на международной арене, по ним, а по кому, делают выводы про всех.

Всего ничего восхищалась предыдущими, кто возглавлял организацию. Вот кто должен был остановить мгновенье! Почему партия сделала ставку на чудо. Раньше спрашивать было не то чтобы боязно, уж тем более имея такую знакомую, а сейчас всем было все равно, кости перемыть историческим деятелям вульгарными, но не последними, отдать художественному должное, выражениями.

Наверно, просто переволновалась из-за своих. Но нервы – откуда они? Когда-то нервы были железными, и в том, что с ней происходит – винила всех. И отдельно, кто велся на шантаж. Хотя прогоняла эти смыслы, лезли, что им, когда одна, да не одна, возвращаясь домой, в предновогодней толпе. Точно та подруга, свойская – тесно общается с ней. Помладше, не больше чем на два-три года, а четвертый, причем экономист, сейчас хорошо получает, говорит – возьмет с собой в грядущем году на океан. Хочет броситься в объятия и дать здорово. Вы, говорит, не понимаете, что делал. Нет, они все такие – брезгливо отнекивалась избитыми выражениями подруга, – но надо понимать когда с кем. Не отводит разговор в сторону приличий. Раньше стоило брать. Пять назад, да три еще – «вы для чего так сморите», – спросить могла. И той придется отвечать, потому что та же, но не эта совсем, – при всем уважении и страхе перед общими друзьями (поняла, спасибо) – пришлось всемерно поддержать в борьбе. Никому не позволено смотреть будто многое дозволено, победоносно на человека. Пользоваться эпатажем. У нее закипает там, где котят дыша, а минуту поговорит, да «не сейчас» – что будешь переубеждать, после всего произошедшего. И снова возвращается к своим воздыхателям. – Вы для примера, – акцентирует, – а сама чувствует, точно последний, на пару с этим обращением. – Тоже рекомендую кого. Атак и до простоя доберется, или вам – нет важного, – и она, что продвигала полтора десятка лет – хихикнула, отринув знакомое в голосе. А ведь только что такое отношение можно было наблюдать в подчеркнутых ссылках на запад.

Пять лет смотрелись хитом главка, но сейчас феноменально блистает. Чаруя блистать где – в очередях в банке? На лавочке холодно. Эти кофта и салат достались за умеренную цену, честно говоря, убедила она – «не одевайся под социализм, а то останешься там же, где дневала, помнишь, когда сказала, не надо».

В заднем кармане – «что-то было». Осторожно просунула руку – холодное, выдернула со стоном, и тут же прикрыла рукой свободной рот. На руке, – красное. Свернула во двор, прислонилась к трансформатору. Подушечками терла одна-другую, ни пореза! Московское небо оставалось безучастно. Мозг исправно штамповал события: кто-то кого-то, еще и взял за портфель и кинул в карман, что только – и чего-либо там быть не может, – оттопыренный клапан («а сейчас – вот так» сладко нараспев вещала игриво, точно подруга давеча, подглядывая на идеальную фигуру с волнующими деталями).

Прислонилась к уместному дереву спиной («удачно прислонилась» – комментировал мозг) и, не глядя – второй вытащила обломок гранита, пахнущий строительной краской. Точно не смешно, или разборка. А ведь придется с заявлением идти – кровь ведь до конца не отсти-

рывается, – а то посадят, не пойми за что вообще, сейчас не докажешь! Вот и до больницы еще прогуляться решила, кормила с полчаса.

В первый и единственный раз дрожала до этого дня не от холода, тот именно, он, предложил целоваться – «никто ведь не узнает!» Тогда и на следующий день потряхивало – вспомнит всего, облизывающего медленно привлекающие губы, и спокойно говорящего по-взрослому, словно не она его на два, а он на десять – «Ну как хочешь. Надо ведь делать что хочешь!» Что будет, все начнут делать что хотят, анархия, насилие – точно на полуострове начнем жить, где негры проходу не дают, лезут, накоротке, простуды. Положила предмет в нагрудный, завернуть нечем, даже не озаботившись попросить помощи у чего-то, потому что нечем гордиться, разговор греховный. Теперь и тут в этой, очень похоже, крови, а та не отмывается – улюлюкал глупо голос. Все с последних дней. Кажется, сейчас могли арестовать, была бы рада, все так просто хорошо понятно в общем кончилось. По дороге не назло спешил по своим делам грузовик. Встрепенулась, сделала пару шагов вперед, что испугало много сильнее, бросилась за угол, по тропинке – к ближайшему дому, лишь не заметили бы чего такого.

До дома всего двадцать минут. Лучше дойти, в транспорте бесстыдные, вы извините, рахи. Молодые, а в их годы. Не поехали за запахом таежных распадков, асфальта испарение придает теплему времени года приятный пряный немного цитрусовый аромат, точно лучше, чем клади они битум, о чем недавно только говорили. Что с нами будет после, успокаивала чем можно, делая усилия, чтобы не больно бежать между потрескавшихся фасадов, знала каждую выбоину асфальта тропинок, каждую помойку, за сколько обходить, но все это казалось чем-то не тем именно что сейчас. Хотя конкретно здесь, на знакомых с детства тропках района, каждый раз приходила эта мысль «что будет с нами, обычными людьми». Ведь потеряли такое прошлое, втоптали в неприязнь личных разборок и кривляний, старшие не виноваты, просто они – не смогли пояснить. Почти безропотно отдали жизни ради благополучия миллионов, куда девать. Кто будет флагштоками нового поколения – уже не готов работать на износ, все для детей – очень правильный, соответствующий современной жизни, не девиз, проверка.

Не все, конечно, такие что могут и хотят, это сказало на ее личных делах. А подруга, что так вошла в жизнь, объяснив то и это («Называйте меня просто, но лучше полным, представляете, рисковали родители, давая такое имя при тогдашнем начальстве») – не одна, кто спорить начнет. И ведь сильно их жалели мы, идейные. Берегли от выговоров. Одна в себе, другой – на здоровье отжимания, не верили, делает, третий – добродушно глупым представляется. Пир закатали на пожарище родины, еще и кичатся – «не такие мы, ноги вытирать о коврики».

Главное, дома ничего не заметили бы. Мигом набегут, время не от, они там, может и ждут. Что придется, напомнят. Душу летящую выкрутят, почему то.

Или очень не права отчасти. Зачем нести такое в дом, бросить здесь, но ведь там повсюду оттиски. Эти двадцать минут стали адом. Представляла обеспокоенных домашних, но наверное не повезет, и на работе будут ругаться, не привлекая внимания. Сейчас не столь ценно, не стоимость чьей жизни.

Они действительно ее интуитивно ждали. Всегда ее очень переживала, когда опаздывала. Нельзя сказать, дорожила больше остальных, наверно даже меньше, и бывает корила себя в том, с чего начинала ее кликать междометиями, а потом еще больше – и чувства к ней самой, против непонятного инстинкта отторжения в отношении нее же – становились сильнее. И надо тому произойти – он в фаворитах, а она достойна антитезы! После новой женитьбы сама резко изменилась, стала избегать откровенных разговоров и вообще ушла. Так говорили, последняя не соглашалась. Мигом рухнуло. Государство, что обещало быть надежным подспорьем даже в быту, украдо сбережения целых поколений! На них прохлаждаются непонятные герои нового дня, или те пришли на помощь, а сделанные сбережения, ведь намекают, кто разбирается, уплыли за океан, и народ так ничего и не принял достойно. Ничего сверх. Да не этот

гримированный, могло ведь повернуться в нормальную сторону, ужели все один заговор? Не могли же наших, – купить враги? Где эта баламуть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.